

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩИХ СОСТОЯНИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЧЕРЕЗ КАТЕГОРИЮ «ОБРАЗ БУДУЩЕГО»

О. Ю. Кравцов

Национальный институт образования, г. Минск, Беларусь

Раскрытие дефиниции «образ будущего» необходимо с утверждения, что *образ будущего* – это не будущее как таковое, а набор представлений о нем, достаточный для оценочного суждения. Термин «образ будущего» представляет собой иррационально-аффективный (эмоционально-чувственный) уровень восприятия будущего. Важнейшей качественной характеристикой образа будущего является его *убедительность*, т. е. принятие в качестве возможного и правдоподобного субъектами-носителями образа [1, с. 76–77].

В конкретный момент времени в культуре доминирует какой-то один образ будущего, состояние которого свидетельствует о степени жизнеспособности общества. Нездоровый, негативный образ будущего является показателем кризиса культуры и свидетельствует о ее скором закате [2, с. 19].

Западная и русская (под именем «советская») цивилизации первыми вступили в эру индустриализации, разделив в XX в. человечество на конкурирующие между собой лагеря.

На наш взгляд, в сфере смыслообразования успешно конкурировать с западной цивилизацией раннему Советскому Союзу помогал эмоционально насыщенный позитивный образ *коммунистического светлого будущего*, который обладал колоссальной мотивирующей и мобилизационной мощью.

Однако к концу XX в. идейно-философский и идеологический ресурсы коммунистического образа будущего оказались исчерпанными. Они утратили в сознании населения свои важнейшие качественные свойства: *убедительность*, *правдоподобность*, *реалистичность*.

На концептуальном уровне соревнование между двумя цивилизациями свелось к соревнованию между *светлым будущим* русского коммунизма и *светлым настоящим* западного капитализма. К концу XX в. *иррациональный идеализм* русского коммунизма проиграл *рациональному позитивизму* запада.

Несколько десятилетий существования после распада СССР показали, что переход на западный путь развития, требующий основательной корректировки и фактически отказа от собственной культурно-цивилизационной идентичности, оказался неприемлемым для русского (постсоветского) социокультурного организма. Отказавшись принимать западные универсальные нормы и не предлагая миру позитивного опыта в качестве нормативного, русская цивилизация оказалась таким образом в «историческом тупике уникальности». Постепенно общей характеристикой суждений обыденного характера, публицистики и научной аналитики стали *пессимизм* и неверие в будущее собственной страны [3, с. 159, 197, 282–287, 290].

Отсутствие у русской цивилизации четкого позитивного образа будущего говорит о утрате глобальных смыслов существования. На уровне обывателя вопрос может свестись к концепту «во имя чего мы должны жить хуже, чем соседи?».

Мифологизированный образ «светлого прошлого»: победа над нацизмом, полеты в космос и другое помогает выиграть время, однако не решает проблемы онтологического кризиса.

На наш взгляд, одним из путей преодоления кризиса для русской цивилизации может стать уход из мировоззренческой прогрессивистско-потребительской парадигмы Запада. Обязательным элементом такого действия стала бы замена перенятого от западной идеологии образа будущего, основанного на атрибутике личного материального достатка, на некий иной, вероятнее всего, ретроградный, отвечающий задаче самосохранения русской цивилизации.

Данный шаг, безусловно, будет означать переход к самоизоляции и самодостаточности. Его осуществление, по всей видимости, будет сопровождаться архаизацией общества: понижением уровня общей образованности и информированности, снижением уровня потребления и качества жизни, возвратом к религиозной картине мира, дифференциацией общества на новые сословия и касты. Методологической опорой в данном случае снова станет идеализм и социальная инженерия «сверху».

В сфере нашего внимания находится Беларусь, которую и западные, и российские авторы относят к православной (русской) цивилизации [4]–[7]. Как подсистема (политически обособленная часть) русской православной цивилизации, Беларусь несет на себе в той или иной степени общесистемную симптоматику кризиса.

Необходимо отметить, что политическая обособленность Беларуси от России, а также ее географические, исторические и культурные особенности предоставляют ей гораздо большую степень свободы в рамках русского цивилизационного пространства, включая возможность смены цивилизационной идентичности в пользу западной.

В общем виде возможные проекции движения Беларуси можно свести к двум: сохранению цивилизационной идентичности и смене цивилизационной идентичности в пользу западной (трансформация идентичности).

При этом сохранение русской цивилизационной идентичности Беларуси может происходить как в формате *автономизма*, так и в формате *синхронизма*.

Формат *автономизма* обусловлен вполне естественным стремлением социальных систем к самосохранению и стабильности. Для Беларуси это выражено в стремлении отстоять государственную независимость в рамках русской цивилизации и сложившихся отношений с Россией.

Формат *синхронизма* означает частичное изменение внутрисистемных отношений в рамках общей русской цивилизации под воздействием внешних факторов. На практике это может проявиться в более тесной политической и экономической интеграции Беларуси и России с последующей совместной самоизоляцией в общих внешних границах.

При смене (*трансформации*) цивилизационной идентичности в пользу западной цивилизационной модели политическая граница между Беларусью и Россией будет выступать линией цивилизационного разлома. Цивилизационная трансформация, по сути, будет означать смерть существующей социальной системы (исчезновение существующей постсоциалистической Беларуси), на смену которой придет новая система отношений по западному образцу.

В отношении образа будущего необходимо констатировать, что на текущий момент для Беларуси характерен общий для русской цивилизации пессимистический образ будущего (*прогрессивный пессимизм*), который естественным образом функционирует в условиях стабильности системы.

При усилении внешних угроз и/или накоплении внутренних противоречий естественной реакцией русской цивилизации может стать самоизоляция в общих границах России и Беларуси. В условиях самоизоляции и самодостаточности образ будущего может принять альтернативную позитивную форму *ретроградного оптимизма*.

При приближении белорусской социосистемы к некоторым пороговым кризисным состояниям поведение системы может принять неуправляемый и непредсказуемый характер. В этом случае возможна актуализация *прогрессивного оптимизма*, что, на наш взгляд, будет свидетельствовать о готовности общества к коренным трансформациям и переходу к западной цивилизационной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтикова, И. В. Образ будущего как образ / И. В. Желтикова // Ученые зап. Орлов. гос. ун-та. – 2013. – № 5 (55). – С. 75–80.
2. Polak, F. The Image of the Future / F. Polak. – Amsterdam, London, New York : Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. – 320 p.
3. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. – М. : Полит. энцикл., 2016. – 334 с.
4. Тойнби, А. Дж., Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Айрис-Пресс, 2010. – 640 с.
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2014. – 571 с.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Де'Либри, 2015. – 768 с.
7. Батанова, О. Н. Русский мир и проблемы его формирования : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / О. А. Батанова. – М., 2009. – 163 с.